

1

02 – 15

258 – 8

В.Е. Хализев

ТЕОРИЯ литературы

Издание третье,
исправленное и дополненное

*Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений*

Москва «Высшая школа» 2002

УДК 82.0
ББК 83
X 17

Рецензенты:

Кафедра теории литературы Тверского государственного университета (зав. кафедрой д-р филол. наук проф. *И.В. Фоменко*); д-р филол. наук проф. *Н.К. Гей*

Хализев, В.Е.
X 17 Теория литературы: Учебник/В.Е. Хализев.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Высш. шк., 2002.— 437 с.

ISBN 5-06-004234-0

Теория литературы освещается в ее специфичности и в связях с другими гуманитарными дисциплинами. Обсуждаются методологические позиции разных научных направлений и школ XIX—XX вв., как отечественных, так и зарубежных. В третьем издании (2-е издание вышло в 2000 г.) расширены темы: возвышенное, трагическое, авторское и неавторское слово, научное описание и анализ, контекстуальное рассмотрение произведений. Введены параграфы, посвященные таким общегуманитарным понятиям, как картина мира, ценность, личность, культура, миф. Учтены появившиеся в последние годы литературоведческие и культурологические работы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей филологических специальностей вузов.

УДК 82.0
ББК 83

ISBN 5-06-004234-0

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2002

Оригинал макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В составе художественного творчества неотъемлемо важна его *коммуникативная* сторона. Искусство включено в общение между людьми: произведения ориентированы их авторами на чье-либо восприятие, к кому-то обращены. Это своего рода послания. В литературе, имеющей дело со словами, коммуникативные начала художественной деятельности выражены наиболее открыто и полно. Художественная речь, причастная традициям риторики, обладает убеждающей энергией; опираясь же на высказывания разговорные, она проявляет себя как непринужденное и доверительное общение автора с читателем (как бы «на равных»). «Тенью доброй беседы» назвал литературу английский писатель Р. Стивенсон. И вполне понятно, что литературоведение рассматривает словесно-художественные произведения в их отношении не только к автору, но и к воспринимающему сознанию, т.е. к читателю и читающей публике. Обращаясь к этой грани литературы, наука о ней опирается на герменевтику.

1. ГЕРМЕНЕВТИКА

Герменевтика (от др.-гр. глагола «разъясняю») — это искусство и теория истолкования текстов (в первоначальном значении слова, восходящем к античности и средневековью), учение о понимании смысла высказывания и — шире — другой индивидуальности (в философской и научной традиции Нового времени, главным образом немецкой). Она может быть охарактеризована как учение о познании личности говорящего и ею познанного.

Герменевтика ныне становится (или готовится к тому, чтобы стать) *методологической основой* гуманитарного знания (наук о духе), в том числе искусствоведения и литературоведения. Ее положения проливают свет на характер общения писателей с публикой и отдельными лицами.

Истоки герменевтики — в античности и христианском средневековье, когда стали предприниматься опыты толкования мифов и

сакральных текстов. Как самостоятельная научная дисциплина она оформилась в XIX в. благодаря трудам ряда немецких мыслителей, среди которых наиболее влиятельны Ф. Шлейермахер и В. Дильтей. Герменевтика XX в. ярко представлена трудами Г.-Г. Гадамера (Германия) и П. Рикёра (Франция), а также Г.Г. Шпета, который тщательно исследовал многовековую историю этого учения¹, и М.М. Бахтина (работы «Проблема текста...» и «К философским основам гуманитарных наук», известная также под названиями «К методологии литературоведения» и «К методологии гуманитарных наук»).

§ 1. ПОНИМАНИЕ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. СМЫСЛ

Понимание (нем. *Verstehen*) — это центральное понятие герменевтики. Г.-Г. Гадамер: « Повсюду, где устраняется незнание и незнакомство, совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и общее сознание <...> Задача герменевтики с незапамятных времен — добиваться согласия, восстанавливать его». Понимание, устремленное к согласию, по Гадамеру, осуществляется прежде всего посредством речи. Оно внерационально, немеханично, целостно: «Понимание речи не есть понимание слов путем суммирования шаг за шагом словесных значений, оно есть следование за целостным смыслом говоримого». И еще: «Нельзя понять без желания понять, то есть без готовности к тому, чтобы нам что-то сказали <...>, всяким усилием понимания правит своего рода ожидание смысла». Об освоении художественных произведений Гадамер говорит в статье «Эстетика и герменевтика» (1964): «Что справедливо в отношении всякой речи, тем более справедливо в отношении восприятия искусства. Здесь мало ожидания смысла, здесь требуется то, что мне хочется назвать нашей затронутостью смыслом говоримого <...> Понимая, что говорит искусство, человек недвусмысленно встречается с самим собой <...> Язык искусства <...> обращен к интимному самопониманию *всех и каждого*»².

Понимание имеет межличностный характер. Оно, по словам Шлейермахера, требует «таланта познания отдельного человека»³. Понимание осуществляется двояко. Во-первых, в прямом и непосредственном общении немногих людей, как правило, двоих, с глазу на глаз («собеседование»). Этот аспект понимания в качестве первичного и важнейшего тщательно рассмотрен А.А. Ухтомским⁴. В основном же

¹ См.: *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы//Контекст-1989, 1990, 1991, 1992. М., 1989—1992; *Гайденок П.П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997 (гл. «Философская герменевтика от Фр. Шлейермахера к Г. Гадамеру»).

² *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. С. 14, 73, 262—263.

³ *Шлейермахер Ф.Д.Е.* Герменевтика// Общественная мысль. IV. М., 1993. С. 227.

⁴ См.: *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 248—308.

герменевтика сосредоточена на понимании, вершимом на почве текстов, прежде всего — письменных, что сближает эту область знания с филологией.

Понимание (как это явствует из приведенных суждений Г.-Г. Гадамера) далеко не сводится к рациональной сфере, к деятельности человеческого интеллекта, к логическим операциям и анализу. Оно, можно сказать, инаучно и подобно скорее художественному творчеству, нежели ученым трудам. Понимание составляет единство двух начал. Это, во-первых, *интуитивное постижение* предмета, его «схватывание» как целого и, во-вторых, на основе непосредственного понимания, вслед за ним возникает и упрочивается *истолкование* (*нем. Erklärung*), нередко аналитическое и обозначаемое термином «интерпретация» (*лат. interpretatio* — объяснение). В истолковании непосредственное (интуитивное) понимание оформляется и рационализируется¹.

Благодаря истолкованию (интерпретации) высказываний преодолевается неполнота их первоначального понимания. Но преодолевается не в полной мере: понимание (в том числе рационально обоснованное) есть одновременно (в небольшой степени) и непонимание. Интерпретатору не подобают притязания на владение полной истиной о произведении и стоящем за ним лице. Понимание всегда относительно, и роковая помеха ему — самонадеянность. «Понимания нет, — писал Гадамер, — когда человек уверен, что ему все и так известно»². Об этом же убедительно говорил А.В. Михайлов: в интерпретациях неизменно присутствует и непонимание, ибо с любой точки зрения (индивидуальной, исторической, географической) видно далеко не все; гуманитарю, пусть он широко эрудирован и оснащен научным методом, следует осознавать ограниченность своих возможностей³.

Интерпретация как вторичный (оформляющий и, как правило, рациональный) компонент понимания — это едва ли не важнейшее понятие герменевтики, весьма насущное для искусствоведения и литературоведения.

Интерпретация сопряжена с *переводом* высказывания на иной язык (в другую семиотическую область), с его *перекодировкой* (если воспользоваться термином структурализма). Толкуемое явление как-то меняется, преобразуется; его второй, новый облик, отличаясь от первого, исходного, оказывается одновременно и беднее и богаче его. Интерпретация — это *избирательное* и в то же время творческое (*созидательное*) овладение высказыванием (текстом, произведением).

¹ См.: *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1990. С. 240—246.

² *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. С. 263.

³ См.: *Михайлов А.В.* О некоторых проблемах современной теории литературы // Известия / РАН. Отд. литературы и языка. 1994. № 1. С. 16—18.

При этом деятельность интерпретатора неминуемо связана с его духовной активностью. Она является одновременно и познавательной (имеет установку на *объективность*) и субъективно направленной: толкователь высказывания привносит в него что-то свое. Говоря иначе, интерпретация (в этом ее природа) устремлена и к постижению, и к «досотворению» понимаемого. Задача толкователя текста, по словам Ф. Шлейермахера, состоит в том, чтобы «понять речь сначала так же хорошо, а затем лучше, чем ее инициатор», т.е. осознать то, что для говорящего «оставалось неосознанным»¹, придать высказыванию дополнительную ясность, как бы его высветить, обнаружить скрытый смысл в смысле очевидном.

Сказанное побуждает охарактеризовать значение слова *смысл*. Это, по словам А.Ф. Лосева, одна из самых трудных для философии категорий². Данный термин насыщен для герменевтики, а стало быть — для литературоведения. Значение слова «смысл» сопряжено с представлением о некоей всеобщности, о первоначале бытия и его глубинной ценности. По словам современного философа, в слове этом «всегда сохраняется онтологический привкус»³.

Смысл одновременно присутствует в человеческой реальности и ей внеположен. Жизнь проникнута энергией смысла (ибо стремится совпасть с бытием), но не становится сколько-нибудь полным его воплощением: то приближается к нему, то от него удаляется. При этом смысл (таков его собственно герменевтический аспект) так или иначе наличествует в субъективно окрашенных высказываниях, их толкованиях (интерпретациях) и (шире) в общении людей.

Смысл высказывания — это не только вложенное в него говорящим (сознательно или непреднамеренно), но также и то, что извлечено из него толкователем. Смысл слова, утверждал видный психолог Л.С. Выготский, составляет совокупность того, что оно вызывает в сознании, и «оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости»⁴. В новом контексте слово легко меняет свой смысл.

Субъективно окрашенные, личностные высказывания, «включенные» в общение, таят в себе *множество* смыслов, явных и скрытых, сознаваемых и не сознаваемых говорящим. Будучи «многосмысленными», они, естественно, не обладают полнотой определенности. При этом высказывания оказываются способными видоизменяться, дотраиваться, обогащаться в различных контекстах восприятия, в нескончаемых рядах интерпретаций.

¹ Шлейермахер Ф.Д.Е. Герменевтика. С. 233.

² Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 236.

³ См.: Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван, 1979. С. 46.

⁴ Выготский Л.С. Собр. соч.: В. 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 346.

§ 2. ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ПОНЯТИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Оригинальное обсуждение проблем герменевтики, сильно повлиявшее на современную гуманитарную мысль (не только отечественную), предпринял М.М. Бахтин, разработав понятие диалогичности. *Диалогичность* — это открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовность к общению «на равных», дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия.

Доминирующим началом человеческого существования, полагал Бахтин, является межличностная коммуникация («*Быть — значит общаться*»¹); между отдельными людьми и их сообществами, народами, культурными эпохами устанавливаются постоянно видоизменяющиеся и обогащающиеся «*диалогические отношения*», в мир которых вовлекаются высказывания и тексты: «Нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)». Диалогическое общение может быть непосредственным (как правило, оказываясь при этом двусторонним) и опосредованным текстами (часто являясь односторонним, каков контакт читателя с автором).

Диалогические отношения знаменуют возникновение (рождение) новых смыслов, которые «не остаются стабильными (раз и навсегда завершенными)» и «всегда будут меняться (обновляясь)». Бахтин подчеркивает, что диалогические отношения неправомерно сводить к противоречию и спору, что это — прежде всего сфера духовного обогащения людей и их единения: «*Согласие* — одна из важнейших форм диалогических отношений. Согласие очень богато разновидностями и оттенками». В диалоге (духовной *встрече*) с автором читатель, по Бахтину, преодолевает «чуждость чужого», стремится «добраться, углубиться до творческого ядра личности» создателя произведения, при этом духовно обогащаясь.

Характеризуя науку и искусство в аспекте теории общения, Бахтин утверждал, что диалогичность составляет основу гуманитарных дисциплин и художественного творчества. Здесь высказывания (тексты, произведения) направлены на другое *полноправное сознание* и имеет место «активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т.п.»². В гуманитарной сфере постигается «*говорящее бытие*», имеющее личностный характер.

Иное дело, — утверждает Бахтин, — науки естественные и математические, где постигаются *безгласные вещи* (предметы, явления, сущности, закономерности). Здесь важна не «глубина проникновения»

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 312.

² Там же. С. 373, 304, 371, 310.

(таково призвание гуманитарной деятельности), а *точность* знания. Такое отношение к реальности ученый называет *монологическим*. Монологическая активность характеризуется им как «завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умерщвляющая»¹. Вторгаясь в гуманитарную сферу, особенно в искусство, монолизм, считает Бахтин, приносит не самые лучшие плоды, ибо заглушает голос *другого* человека.

С концепцией диалогических отношений во многом сходны одновременно разрабатывавшиеся идеи западноевропейских «диалогистов» (М. Бубер и др.), а также учение А.А. Ухтомского о собеседовании как высокой ценности. Эти идеи (подобно бахтинским) развивают положения традиционной герменевтики.

§ 3. НЕТРАДИЦИОННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

В последнее время за рубежом (более всего во Франции) получило распространение и иное, более широкое представление о герменевтике. Ныне этим термином обозначается учение о *любом* восприятии (осмыслении, толковании) фактов (поступков, текстов, высказываний, переживаний). Современные гуманитарии стали включать в сферу герменевтики даже деятельность самопознания, которая связана с заботой человека о себе и переключением его взгляда с внешнего мира на собственную персону². При этом упрочилось представление о герменевтике (одновременно — и о гуманитарных науках как таковых) как устремленной не к пониманию и согласию, а, напротив, к снижению и редуцированию всего человеческого (прежде всего — возвышенного) в человеке. В этом русле — постмодернистски ориентированные опыты Мишеля Фуко 1960—1970-х годов. По словам французского философа, гуманитарные науки могут достигать обобщений только в форме разоблачения человека как «привилегированного и по-особому сложного объекта». В основе этих наук «лежит проект сведения человеческого сознания к его реальным первоусловиям», которые «его породили, а теперь скрываются в нем»³ (имеются в виду внерациональные потребности, желания, интересы).

Характеризуя современное гуманитарное знание, французский философ П. Рикёр говорит о двух противоположных герменевтиках. Первую, традиционную, о которой шла речь выше (герменевтику-1), он называет *телеологической* (целенаправленной), восстанавливающей смысл; здесь неизменно присутствует внимание к явному смыслу

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 310.

² См.: Фуко М. Герменевтика субъекта //Социо-Логос. Вып. 1. М.,1991.

³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук (1966). СПб., 1994. С. 383.

высказывания и сказавшемуся в нем человеческому духу. Герменевтика-2, на обсуждении которой сосредоточивается Рикёр, ориентирована *археологически*, т. е. на первопричину высказывания. Она выявляет подоплеку явного смысла, что знаменует его редуцирование, разоблачение, во всяком случае — снижение. Истоки этой ветви герменевтической мысли (именно она представлена работами М. Фуко) ученый усматривает в учениях Маркса, Ницше, Фрейда, видевших доминанту человеческого существования в экономическом интересе, воле к власти, сексуальных импульсах. Эти мыслители, полагает Рикёр, выступили «главными действующими лицами подозрения» и в качестве срывателей масок; их учения — это прежде всего «деятельность по разоблачению "ложного" сознания». Разоблачительные (редукционистские) герменевтики, утверждает он, основываются на теории иллюзии: на убеждении в том, что человек склонен искать утешения (ибо жизнь жестока) в иллюзорном мире одухотворенности и провозглашаемых смыслов. И задача археологически ориентированной, разоблачающей герменевтики состоит в том, чтобы «рассекретить» неосознанное и потаенное: здесь «скрытая и безмолвствующая часть человека выносятся на всеобщее обозрение», что, подчеркивает ученый, в наибольшей мере относится к психоаналитическим интерпретациям¹. К сказанному П. Рикёром добавим: в русле разоблачительной, редуцирующей герменевтики находится и деконструктивизм Жака Деррида с его единомышленниками и продолжателями. В составе герменевтики-2 интерпретации утрачивают свои связи с непосредственным пониманием и диалогической активностью, главное же, лишаются устремленности к обретению согласия.

Эту ветвь герменевтики, притязующую на полноту обретаемого знания, воспользовавшись бахтинской лексикой, правомерно назвать «монологической». Основной ее принцип — пребывание на позиции «отчужденной» внеаходимости, рассмотрение личностных проявлений как бы с высоты птичьего полета. Если традиционная герменевтика устремлена к претворению чужого в свое, к обретению взаимопонимания и согласия, то «новая» герменевтика склонна к надменности и подозрительности к рассматриваемым высказываниям, а потому порой оборачивается этически небезупречным подглядыванием скрываемого и сокровенного.

В то же время установки нетрадиционной герменевтики привлекательны устремленностью к четкости и строгости мышления. Сопоставление двух охарактеризованных нами родов понимания и интерпретаций приводит к мысли, что для гуманитарных наук насыщен и оптимален некий баланс доверия и критичности к «говорящему бытию», к сфере человеческих самопроявлений.

¹ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 152, 222, 239.